

Тайна Урулгана

Автор:

Кир Булычев

Тайна Урулгана

Кир Булычев

Время действия – 1913 год. Это захватывающая, полная загадочных и неожиданных ситуаций история очаровательной англичанки, отправившейся в далекую Сибирь на поиски пропавшего без вести отца.

Кир Булычев

Тайна Урулгана

Хоть и конец лета, но темнело поздно. Вечерняя синь поглотила дальний берег, а ближний, обрывистый, с тощими елками по скалам, казался нарисованным силуэтом на длинном картоне. Звуков было много, но они лишь подчеркивали бесконечную тишину – если вдруг наступала мгновенная пауза, она была столь пуста, будто этот мир еще не был создан.

На корме «Св. Сергия Радонежского» уныло пели мастеровые, выписанные Ефремом Колоколовым, мерно шлепали по воде лопасти колес, плескала вода, капитан громко отчитывал на мостике матроса, который забыл в Жиганске пустую бочку, внутри парохода, где-то внизу, стучала машина. «Св. Сергий Радонежский» не так велик и шикарен, как пароходы, что ходят по Волге, но нутро у него немецкое, с великими трудами привезенное по частям до Якутска. На верхней палубе есть шесть кают, обшитых деревом, и столовая с бархатными портьерами, блеском медных частей и пианино, на котором не раз музицировала мисс Вероника Смит, а палубные пассажиры толпились, глазели в квадратные окна, обсуждая иностранку и ее жениха, мистера Дугласа Робертсона, красавца-

мужчину.

Но поздним вечером, отужинав в обществе капитана Селиванова, которому в молодости приходилось бывать в дальних плаваниях и даже посещать город Сан-Франциско, иностранцы запирались в каюте Вероники Смит, чтобы в спокойствии обсуждать свои дела. Любой человек на пароходе, до последнего кочегара, знал, зачем англичане стремятся в Новопятницк. Некоторые проникались сочувствием, иные посмеивались.

Мисс Вероника Смит, стройная сероглазая девушка с пышными пепельными волосами, собранными в узел на затылке, коротким прямым носом и острым решительным подбородком, сидела на койке, поджав под себя длинные ноги с крепкими икрами, закаленными гимнастическими экзерсисами и верховой ездой. Образ ее полностью соответствовал картинкам в журнале «Country life», и, разумеется, более всего к лицу ей был костюм амазонки с хлыстиком в руке. Впрочем, следует сказать, что именно такой ее и воспитывал капитан Оливер Смит, и лишь превратности судьбы, связанные с неудачным путешествием отца и смертью матери, заставили ее изменить предначертанному пути. Но, будучи девушкой решительной и целеустремленной, Вероника внешне никогда и никому из бывших светских знакомых не показала, что удручена своим современным положением певички, чему помогли уроки пения, преподанные ей профессором Медиччини, преподавателем музыки в пансионе «Глория» в Берне, где Вероника пребывала до восемнадцати лет.

Спутник Вероники – Дуглас Робертсон также казался сошедшим со страниц светского таблоида. Его тропический загар, полученный, как говорили, во время охоты на слонов в Кении, куда он сопровождал лорда Уорси, сохранился даже здесь, в русской Сибири. Лицо его, украшенное небольшим шрамом – памятью об одном из романтических приключений, которых на счету у Дугласа было немало, являло собой образец силы и уверенности в себе. Вытянутое, с четко проведенными ранними морщинами, узколобое, но не слишком, с крупным, но не чрезмерно, подбородком, это было лицо молодого джентльмена, охотника и благородного искателя приключений. Не принадлежа к высокому роду и не имея хорошего образования, он тем не менее был принят в лучших домах Лондона, и его добродушная улыбка, готовность к любому рискованному предприятию, всегдашнее чуть снисходительное спокойствие вызывали к нему инстинктивное доверие с последующим приглашением на ланч, а то и на африканское сафари, чему способствовала его репутация одного из лучших стрелков Лондона.

Дуглас искренне увлекся Вероникой, встретив ее на скачках в Блекшире три года тому назад. В то время Вероника только-только вернулась из Швейцарии и начала выходить в свет.

Красота Вероники, слава ее отца, богатство семьи Смитов совместно выступили противниками молодого мистера Робертсона, по правде говоря (хоть это было известно лишь его кредиторам), не имевшего ни пенса за душой. Тем не менее Дуглас был упорен. В надежде обратить на себя благосклонное внимание девушки он чуть было не вызвался присоединиться к экспедиции, которую готовил капитан Оливер Смит. Однако по здравому размышлению передумал, так как имел бы не много шансов завоевать сердце девушки, находясь от нее в десяти тысячах миль в окружении белых медведей.

Настойчивость мистера Робертсона не принесла плодов. Неожиданно Вероника без памяти влюбилась в талантливого, но беспутного выходца из Трансильвании виолончелиста Милоша Куцку. Ослепление ее этим жгучим брюнетом с усами, подобными бычьим рогам, было настолько велико, что Вероника даже не приехала в Ливерпуль проводить корабль «Венчур», на котором ее отец уходил в Арктику.

Дуглас был огорчен прискорбным поворотом судьбы и принял предложение престарелого лорда Уорси присоединиться к сафари в Кении, после чего направился в Маньчжурию корреспондентом от газеты «Дейли мейл», прожил полгода в Корее, чуть было не проник в Тибет, и прошло более двух лет, прежде чем он вновь появился в Лондоне, ничуть не разбогатевший и не ставший разумнее. Из Маньчжурии он привез слугу-китайца по имени Лю, который был отличным кулинаром и знатоком восточной борьбы, а также любовь к жасминовому чаю, чего обитатели Британских островов понять не в состоянии.

Приехав, Дуглас начал наводить справки о своей бывшей возлюбленной и узнал о драматических переменах в ее жизни.

После отбытия капитана Оливера Смита в путешествие Вероника, как и было договорено, поселилась у своей тети Джейн в Девоншире. Виолончелист Куцка уехал в Милан, жизнь постепенно вернулась в свою колею. Вероника совершала верховые прогулки в окрестностях тетиного дома и поддерживала светские отношения с соседями. У нее даже появился жених – мистер Кренкшоу, член парламента от консервативной партии, которому прочили в недалеком будущем министерское кресло.

И вот в одночасье все рухнуло.

Сначала без вести пропал корабль «Венчур». Последние письма с него были переданы на встречное русское судно в районе Новой Земли через четыре месяца после отплытия из Ливерпуля с целью прохода из Атлантического океана в Тихий в течение одной навигации. Прошел еще год, более писем не было, и уже никто не сомневался, что корабль капитана Смита раздавлен льдами.

И тут произошла трагедия с тетей Джейн.

В свое время, после смерти родителей, наследство Смитов было полюбовно разделено между Оливером и Джейн. Так как тетя Джейн не имела детей, а мать Вероники умерла, сопровождая мужа в неудачном путешествии к Южному полюсу, и оставила пятилетнюю девочку на руках мисс Джейн Смит, та заменила ей мать.

Уверенный в том, что будущее дочери обеспечено, капитан Оливер Смит, отъезжая, не оставил завещания, полагая, что в случае его гибели Вероника, безусловно, унаследует оба имения.

Но жизнь распорядилась иначе.

Никто и не подозревал, что тихая как мышка мисс Джейн Смит играет на бирже, ввергаясь в сомнительные предприятия. Известие об исчезновении горячо любимого брата сильно повлияло на ее душевное состояние, и она, словно горький пьяница, с еще большей энергией ударилась в спекуляции. Нетрудно понять, что вскоре она стала жертвой нечистых на руку дельцов и полностью разорилась. Стыдясь признаться в разорении своей горячо любимой племяннице, мисс Джейн приняла яд.

После ее похорон обнаружилось, что Веронике не осталось ничего, кроме долгов.

Это было бы еще поправимо, если бы капитан Смит, чья половина семейного состояния осталась нетронутой и заключалась в земельных владениях и солидных бумагах, вернулся либо погиб. Но капитан пропал без вести. Он был – и его не было. То есть юридически он не считался умершим лицом, так что

Вероника не могла ему наследовать.

Будучи наследницей четырехсот тысяч фунтов стерлингов, мисс Смит оказалась совершенно нищей.

К сожалению, узнав об этом, ее жених мистер Кренкшоу перестал с ней встречаться.

Собрав драгоценности, оставленные ей матерью, Вероника переехала в Лондон, где сняла маленькую квартирку из четырех комнат. Ей пришлось отпустить всех слуг, за исключением горничной Пегги, привезенной некогда ее отцом с Цейлона и бывшей ей более чем горничной. Она была наперсницей, подругой и старшей сестрой Вероники.

Деятельная натура Вероники не смирилась с нищенской долей. Она вспомнила, какие комплименты расточал ей учитель музыки в пансионе профессор Медиччини, и решила зарабатывать деньги, выступая с концертами. Красота и обаяние молодой певицы открыли ей путь в варьете, но несильный, к сожалению, голос не давал надежд на выступления в опере. Воспитание и гордость Смитов не позволяли Веронике опуститься до положения певицы в кабаре, так что ей оставалось лишь выступить с исполнением народных баллад и песенок в летних театрах, что, однако, почти не приносило дохода. Прежние знакомые куда-то исчезли, новых не появилось, так как Вероника не могла найти общего языка с богемой. Не раз Веронике приходилось, особенно в поездках, защищать свою честь от поползновений наглецов, полагавших, что любая певичка – доступная и легкая добыча. Дважды она с негодованием отвергала предложения перейти на содержание к пожилым обеспеченным джентльменам... Лишь надежда на возвращение отца удерживала Веронику от отчаяния. Так прошло почти два года. Каково же было удивление Вероники, когда ей нанес визит бывший поклонник мистер Дуглас Робертсон!

Вернувшись из своего длительного путешествия и узнав о судьбе мисс Смит, тот не замедлил отыскать Веронику, чтобы сообщить ей, что его чувство за годы разлуки не угасло.

Вероника была рада Дугласу. Он оказался той ниточкой, что связывала несчастную девушку со счастливым прошлым. Дуглас никогда не напоминал ей о виолончелисте Куцке и не осуждал за попытки добиться самостоятельности

путем, не принятым в хорошем обществе.

Вероника и Дуглас часто встречались. Однако у Вероники не возникало мысли связать свою судьбу с этим красивым молодым человеком. Причин тому было несколько.

Во-первых, мистер Робертсон был беден как церковная крыса, что не укрылось от проницательного взгляда Вероники, хотя они с Дугласом ни разу не обсуждали его имущественные проблемы.

Во-вторых, Вероника не любила мистера Робертсона, а благодарность была, по ее мнению, недостаточным основанием для того, чтобы отдать ему руку и сердце.

Примерно через два месяца после возвращения Дугласа свершилось событие, надеяться на которое Вероника уже не смела.

На берегу Ледовитого океана неподалеку от устья сибирской реки Лены местными дикарями был обнаружен замерзший труп человека. На груди покойного, оказавшегося матросом с корабля «Венчур», было найдено письмо капитана Смита. В этом письме капитан сообщал, что «Венчур» уже второй год затерт льдами северо-восточнее полуострова Таймыр и его команда терпит страшные лишения. Если льды не отпустят корабль, следующим летом они попытаются дойти до берега пешком.

Письмо капитана Смита долго добиралось до Лондона и попало туда лишь в июне 1913 года. Оно вызвало недолгую сенсацию в газетах, но когда полная надежд Вероника обратилась за помощью к Адмиралтейству и Королевскому географическому обществу, она убедилась, что никто в Соединенном королевстве не намерен срочно снаряжать экспедицию на поиски капитана Смита, бедствующего у полуострова Таймыр. Веронике объяснили, что спасательную экспедицию невозможно снарядить менее чем за несколько месяцев, а к тому времени наступит осень. Так что к этому вопросу можно будет вернуться лишь следующей весной.

Убедившись в том, что поддержки ждать не от кого, Вероника с помощью верного Дугласа попыталась привлечь внимание к участи капитана частных благотворителей, но и в этом не преуспела.

Тогда она заявила, что отправляется в Сибирь одна.

Она спустится по русской реке Лене и там, у Ледовитого океана, встретит отца, который обязательно пойдет пешком к Большой земле.

Намерение Вероники осталось неизвестным для публики, так как не было подкреплено ничем, кроме отчаяния. Вероника продала остатки драгоценностей матери, но их было недостаточно, чтобы добраться до устья Лены.

Дуглас Робертсон, ограничивавшийся до того сочувствием к замыслам своей возлюбленной, в один прекрасный день появился у нее дома на Драйверс-стрит с оригинальным предложением.

Он сообщил, что нашел лицо, согласное финансировать это безумное предприятие. Что он сам намерен отправиться в Сибирь вместе с Вероникой. И он ничего не требует взамен, кроме обещания выйти за него замуж после возвращения в Лондон.

Душевное состояние Вероники было таково, что она восприняла предложение Дугласа как откровение свыше. Она отказалась прислушаться к опасениям служанки Пегги, которая, недолюбливая Дугласа, задавала вопрос:

– Откуда у него появились деньги? Не иначе как источник их сомнителен!

– Нет! – горячо восклицала Вероника. – Раз это единственная возможность спасти моего дорогого отца, который бредет сейчас по ледяным просторам, я не имею права раздумывать. Дуглас вполне достоин моей руки.

И Пегги была вынуждена сдаться.

* * *

Подходил к концу уже второй месяц совместного путешествия молодых людей, тогда как в Лондоне они полагали, что доберутся до места не более чем за месяц.

Казалось, некие злые силы препятствовали их продвижению. Задержка в Петербурге из-за недоразумений с британским консулом, жестокая простуда, заставившая Веронику две недели провести в постели в московской гостинице «Гранд-отель», крушение поезда возле Новониколаевска, задержавшее путников еще на неделю, наконец, долгое ожидание в Якутске парохода до Новопятницка...

Пожалуй, будь на месте Вероники и Дугласа французы и тем более итальянцы, они давно бы уже рассорились и расстались, непривычные к русским порядкам и сибирской неповоротливости. Но английская нация являет собой собрание особ, умеющих по примеру своих отцов и дедов стоически переносить трудности, не меняя ни своих привычек, ни образа жизни. Иначе как бы этой нации завоевать половину мира, страны, пребывающие в варварстве, отличающиеся бесчеловечным климатом и полным отсутствием удобств цивилизации.

Удивительно, но, несмотря на длительное путешествие, на многочисленные лишения, отсутствие возможности вовремя принять ванну, сменить нижнее белье, ни Вероника, ни Дуглас ни на йоту не отступили от своих привычек, и постороннему наблюдателю они показались бы господами, лишь вчера покинувшими берега туманного Альбиона.

Однако внешний вид, как известно, бывает обманчив. К тому времени, когда «Св. Сергей Радонежский», миновав Жиганск, оказавшийся городом лишь на карте, а в действительности скопищем жалких тунгусских юрт и полуразвалившихся избушек, вот-вот должен был достичь Новопятницка, внутреннее состояние Дугласа Робертсона было критическим, что прекрасно ощущала Вероника, с тревогой наблюдавшая тревожные перемены в своем спутнике. Вероника сознавала при этом, что самая трудная часть путешествия еще впереди. Не сегодня завтра они будут вынуждены окончательно покинуть пределы цивилизации и углубиться в девственные просторы.

– У меня затупилась бритва, – сообщил мрачно Дуглас.

Он сидел на плохо сколоченном стуле, вытянув длинные ноги и разглядывая пятно на башмаке, которое ничем не смог закрасить, хоть и потратил на то более часа.

Вероника кивнула, но не ответила. Она глядела в синий воздух за окном. Черная фигура заслонила вид на луну, и тут же к окну приблизилось пьяное, грязное лицо охотника, взошедшего на борт в Жиганске и не утолившего еще своего любопытства от лицезрения настоящих иностранцев. Дуглас поморщился, сделал шаг к окну и затянул желтые атласные занавески. Комар, пробравшийся в каюту еще днем, взвизгнул, лишенный уютного укрытия, и взвился к потолку, с которого свисал керосиновый фонарь.

- Вы что-то сказали? - спросила Вероника.

Дуглас не ответил. Разговор о бритве он поднимал неоднократно, с тех пор как его собственную, сопровождавшую его во многих путешествиях, украли в Твери.

Вероника почесала щиколотку.

- Простите, - сказала она.

- Я сегодня понял, что нас ждет в этой тайге, - сказал Дуглас.

Вероника кивнула.

Днем пароход простоял часа четыре у берега, потому что надо было напилить дров для машины. Палубные пассажиры помогали матросам, но, разумеется, пассажиров первого класса - англичан, профессора Мюллера и рыботорговца Алачачяна - никто к такой работе не принуждал. Тем не менее застоявшийся в вынужденном безделье Дуглас, будучи спортсменом, вызвался пилить лес, в то время как профессор Мюллер пригласил Веронику пройтись с ним по берегу, где он заметил любопытнейшие известковые отложения, в которых можно найти окаменелости.

Как только нос парохода уткнулся в пологий берег, машина остановилась и работники устремились по сходням к подступающему близко лесу, навстречу им из тайги кинулись полчища комаров, словно они давно уже поджидали людей в засаде. И, выйдя из каюты, Вероника с удивлением поняла, что ее короткое дорожное, выше щиколоток, платье, сапожки и плотная блуза никак не способны защитить от укусов насекомых. Отмахиваясь от них, она проследовала за толстым, подвижным, похожим на мистера Пиквика профессором на берег.

Профессор помог ей ступить на гальку, окаймляющую край воды, и сказал наставительно:

– Вы сетовали, мисс, на то, что попали в эти края слишком поздно ввиду задержек в пути. Однако я должен сказать, что вам повезло. Наступает осень, а ночные заморозки лучше, нежели тучи гнуса и комаров, которые в тайге могут свести человека с ума. Я должен вам сказать, что намеренно не отправлялся в путь ранее, не желая стать добычей этих тварей.

– О да, – улыбнулась девушка, отчаянно стараясь отогнать комаров. – Наверное, вы правы. Но неужели их бывает больше?

– Значительно, – ответил профессор, взбираясь вверх по крутому берегу. – Тем более что здесь, у реки, дует небольшой бриз.

Они говорили по-английски. Профессор отлично владел этим языком, так как в свое время проучился три года в Кембридже.

К тому времени, когда они добрались до увиденных профессором отложений, комары допекли девушку так, что она с трудом удерживалась от унижительной мольбы отпустить ее обратно на пароход. Но профессор словно перестал замечать насекомых. Подобно альпинисту, он смело ползал по обрыву, восклицая от радости, ибо угадывал в известняке формы ископаемых раковин. Вероника отыскала на берегу, у уреза воды несколько белемнитов, которые профессор называл по-русски «чертовыми пальцами», объяснив девушке, что они являются частями моллюсков, вымерших за миллионы лет до христианской эры, когда в этих местах плескалось теплое море.

Вероника быстро ходила по берегу, отмахиваясь от комаров. Она старалась терпеть их укусы, так как была по натуре терпелива. Однако к тому времени, когда профессор, наполнив предусмотрительно взятую с собой сумку образцами ракушек и кораллов, решил возвращаться к пароходу, Вероника с ужасом поняла, что мысль о дальнейшем путешествии по тайге ее пугает более чем когда-либо прежде.

– Простите, профессор, – сказала она, – но у побережья Ледовитого океана комаров, надеюсь, нет?

– К тому времени, когда вы туда доберетесь, – ответил профессор, поправляя пенсне, которое, как показалось Веронике, сползло на кончик носа под тяжестью облепивших его комаров, – комаров не станет. Будут морозы. Что заставило вас столь поздно отправиться в путь?

– Мы рассчитывали попасть сюда в конце июля. А вы?

– Цель моего путешествия лежит не столь далеко от Новопятницка. К тому же меня будут сопровождать люди, живущие здесь постоянно. Я рассчитываю на их поддержку, ибо знаю их по университету.

– Они здесь в экспедиции?

– Они здесь не по своей воле, – вздохнул профессор.

Девушка кивнула, показывая тем, что поняла намек профессора, и, чтобы утешить его, сказала:

– Австралию также создали каторжники. И среди них были энергичные люди. Но я бы не решилась идти с такими людьми в глубь леса.

Профессор ничего не ответил.

Почувствовав, что сказала нечто неправильное, и мысленно укорив себя за то, что в очередной раз пыталась судить вслух о русских порядках, непонятных цивилизованному человеку, Вероника сменила тему разговора.

– А вам приходилось когда-нибудь находить болиды? – спросила она.

– Небесные камни, – ответил профессор, осторожно спускаясь с обрыва, – обычные гости с неба. Некоторые из них достигали гигантских размеров. Известный кратер в Аризоне, достигающий нескольких миль в поперечнике, был создан подобным небесным телом.

– Возможно, они представляют опасность для людей? Что, если такой большой болид упадет на город?

– К счастью, болид, который я разыскиваю, – сказал профессор, – упал в совершенно ненаселенной местности. Единственно, кого он мог убить, – медведя.

– Их здесь много? – спросила девушка, невольно поглядев на подступающие к обрыву лиственницы.

Когда они вернулись к пароходу, Дугласа на берегу не было. Не выдержав комариных укусов, он ушел в каюту, раскурил трубку и напустил столько дыма, что тот выползал из-под двери каюты, словно там начался пожар.

Вечером, вспоминая о дневном приключении, Вероника поежилась.

– Отступать поздно, – сказала она. – Однако вы, Дуглас, свободны покинуть меня в любой момент. И я останусь бесконечно благодарна вам за все, что вы для меня сделали. Я убеждена, что никогда бы не добралась до этих мест, если бы не ваше внимание и забота.

– Пустое, – сказал Дуглас. – К тому же, покинув вас сейчас, я потеряю контракт с «Дейли мейл», которой я обещал посылать корреспонденции. Я не настолько богат, моя дорогая.

– Не знаю, чем отплатить вам за вашу доброту.

– Став моей женой, вы отплатите мне сполна, – ответил Дуглас. – Хотя, признаюсь, трудности, встающие впереди, таковы, что я не уверен, смогу ли я дойти с вами до венца.

– Как вы смеете так говорить, мой друг! – воскликнула девушка. – Ведь мы с вами не среди людоедов.

– Сегодня я наблюдал миллионы людоедов, более страшных, чем дикари с острова Фиджи, – печально улыбнулся Дуглас. – К тому же ваш отец был лучше подготовлен для путешествий в этих ледяных пустынях, нежели вы, Вероника. И тем не менее...

– Не говорите так, – вздохнула девушка. – Я не теряю надежды.

– Я тоже, – сказал Дуглас и положил руку на колено Вероники.

Вероника нежно накрыла длинными пальцами его руку, желая передать молодому человеку благодарность, которую она испытывала к нему за его самоотверженность.

Однако Дуглас ложно истолковал жест мисс Смит. Пальцы его, словно получив поощрение, сильно впились в колено девушки.

– Простите, мне больно, – сказала Вероника, стараясь отвести колено в сторону. Но Дуглас не отпускал его.

– Мне нужна лишь одна награда, – сказал он сиплым голосом. – Ваша любовь, дорогая.

– Я к вам отношусь наилучшим образом, – ответила девушка дрогнувшим голосом. – И постараюсь вознаградить вас по окончании путешествия любым приемлемым для вас способом. И если вы захотите получить мою руку, я готова.

– Я не знаю, что будет через год, – сказал Дуглас. – Но неужели вы не видите, что моему терпению приходит конец? Месяц за месяцем я провожу рядом с вами, ощущая ваши взоры, запах ваших волос, видя линию ваших бедер...

– Мистер Робертсон! – прервала молодого человека Вероника, пытаясь вскочить с койки. – Не думаете ли вы, что нам надо попросить чаю? Будьте любезны позвать Пегги...

Но договорить она не успела, потому что Дуглас закрыл ей рот страстным поцелуем.

– О нет! – пыталась сопротивляться девушка. Она отталкивала его жаждущие руки, которые безжалостно рвали ее одежду, отворачивала лицо от его поцелуев.

– Я закричу! – шептала она.

– Кричите, – отвечал Дуглас громким шепотом. – Сюда прибегут русские, и вы будете опозорены.

– Как вам не стыдно!

– Во мне проснулся зверь.

– Это не зверь, а грязное животное, – возразила девушка, и тут она поняла, что ее нежная упругая грудь, которой после Милоша Куцки не касался ни один мужчина, обнажена и дрожащие жаркие пальцы Дугласа грубо ласкают ее.

– О нет! – застонала Вероника, лихорадочно обдумывая проблему, звать ли на помощь и таким образом сохранить честь, но погубить экспедицию или пойти на жертву ради спасения экспедиции. Пока что она сопротивлялась молча, потому что не теряла надежды вразумить Дугласа либо отразить его нападение. В каюте было полутемно, фитиль керосинового фонаря коптил, равномерно ухала паровая машина, и Веронике вдруг показалось, что все это происходит не с ней, а лишь в ее воображении, на страницах романа Мопассана «Жизнь», прочитанного в транссибирском экспрессе. О господи, мысленно молила Вероника, пришли в каюту Пегги или профессора Мюллера, который обещал принести вечером книгу...

Но никто не шел к ней на помощь.

Причину тому нетрудно усмотреть в тонкости переборок парохода и относительной тишине, которая воцарилась на нем поздним вечером. Страстные вздохи Дугласа, шепот и мольбы девушки проникали через переборки и даже вырывались на палубу. И если Дугласу и Веронике казалось, что они замкнуты в некоем тесном пространстве, а остальной мир не ведает о той драме, что разыгрывается в каюте, на самом деле остальной мир прекрасно понимал, что за драма происходит рядом с ним, однако трактовал ее не как борьбу девушки за свою честь, а как развлечение иностранцев, утоляющих таким образом свою похоть.

Профессор Мюллер, чья каюта была отделена от каюты Вероники лишь фанерной переборкой, как раз собрался отойти ко сну. Страсти за перегородкой настолько смутили его, что он натянул ночной колпак на уши, а когда и это не помогло, заткнул уши ватой и, сидя на койке, в ужасе смотрел на то, как

вздрагивает переборка, когда ее задевают колени или локти англичан, и более всего опасался, что переборка рухнет и тогда ему придется стать свидетелем интимного зрелища.

Стараясь прикрыть от поползновений Дугласа все более обнажаемое тело, Вероника отдавала себе отчет в том, что ее положение с каждой секундой становится все более безнадежным. Наконец она поняла, что придется кричать, но Дуглас настойчиво шептал ей в ухо:

- Не кричите, не надо, уже поздно, уже поздно...

- Нет! - закричала Вероника.

И в этот момент из коридора донесся громкий возмущенный голос рыботорговца Алачачяна, который не смог больше выносить страстных звуков из английской каюты:

- Перестань, понимаешь! У меня семья в каюте, дети, жена. Распустились! Такой вещи надо тихо делать, кричать зачем?

- Что он? Что он кричит? - испугалась мисс Смит, готовая выброситься за борт. В отчаянии она укусила жениха за ухо, тот отпрянул и крикнул по-английски, обращаясь к невидимому рыботорговцу:

- Идите к черту!

И за окном кто-то громко засмеялся, подтвердив этим, насколько тонки стены на ленском пароходе.

Мисс Смит, свалив Дугласа на пол, зарыдала, и профессор Мюллер услышал рыдания заткнутыми ватой ушами и сам готов был заплакать, потому что в нем поднялось сострадание к девушке, а жена Алачачяна закричала на мужа по-армянски, упрекая за невоспитанность. Капитан парохода Селиванов, который слышал далеко не все, ибо стоял на мостике, дал длинный гудок, минуты на три, в котором утопил слезы Вероники, голоса на палубе и шаги ретировавшегося к себе в каюту мистера Робертсона.

* * *

Новопятницкое считалось деревней, потом, когда при государе императоре Александре II там построили церковь, оно стало селом. А городом ему не стать бы еще долго, если бы не радения Ефрема Колоколова. Ефрему мечталось стать почетным гражданином. Но стать таковым можно было только в своем городе. Сколько усилий, расходов, времени потребовалось ему, чтобы превратить Новопятницкое в город, немислимо представить. Указ последовал лишь 7 января 1911 года. Село Новопятницкое Якутской губернии было объявлено городом. Тем же летом Ефрем Колоколов стал в нем первым и единственным почетным гражданином.

К тому времени, когда пароход «Св. Сергей Радонежский» показался из-за Покойного острова и загудел, завидя сбегающий по откосу к Лене Новопятницк, весь город уже собрался на пристани.

Не было только Ефрема Колоколова.

Пароход оживленно шлепал по воде лопастями колес, сворачивая к пристани. Толпа подалась вперед.

Тогда появились первые признаки скорого приезда Ефрема Ионыча. На склоне остановилась телега. Митька Косой стащил с нее холстину, Ахметка с Молчуном поднатужились, свалили через бок тяжеленный рулон ковровой дорожки и принялись катить его под откос по грязи. Ковра точно хватило как раз до пристани.

Когда пароход, снова загудев, начал пыхтеть и принаравливаться к швартовке, сверху пестрой толпой сбежали цыгане. Те самые, которых еще осенью Ефрем сманил из Якутска и которые всю зиму услаждали его слух. А когда магнату было недосуг, подрабатывали в ресторане «Золотой Урулган», который также принадлежал почетному гражданину Колоколову.

Расталкивая горожан и ссыльных, цыгане нагло пробились к самой воде и тут же затянули песню.

Матросы побежали вдоль борта. По пристани, расталкивая любопытных, застучал деревяшкой инвалид Платоныч, поймал конец с петлей, закинул на

тумбу и начал закручивать. Быстрое течение разворачивало пароход, капитан Селиванов заорал с мостика, чтобы крепили второй конец. Машина отработывала назад, черный дым повалил до самого неба.

Поднялся галдеж, люди на пристани узнавали знакомых, перекликались с ними, громко пели цыгане. За этим шумом был упущен момент появления Ефрема Колоколова, всегда исполненный смысла для горожан и необыкновенный для некоторых из приезжих.

Ефрем Ионыч подъехал к пристани в красном авто марки «Мерседес-бенц», запряженном парой белых коней под синими с золотом попонами.

Пароход окончательно пришвартовался именно в тот момент, когда кучер, привстав на переднем сиденье авто, натянул вожжи и остановил горячих коней. Ахметка и Митька Косой одновременно успели к машине и распахнули ее блестящую дверцу. Почетный гражданин Ефрем Ионыч ступил на ковровую дорожку, и тут же цыгане, завидев его, грянули величальную.

Столь странное и эффектное появление Колоколова объяснялось не сумасшедшими чудачествами, какими общество и молва награждают богатых сибирских золотопромышленников, а двумя ошибками Колоколова. Позапрошлым летом он выписал из Германии авто, полагая поднять тем престиж своего города. Но ошибся. К появлению авто единственную достойную такого названия улицу – Николаевскую не успели замостить, а о прочих дорогах и речи быть не могло. Осмотрев немецкий самоходный экипаж, Колоколов понял, что переоценил его способности и пройдет немало лет, прежде чем он сможет разъезжать на авто по окрестностям. Вторая и тоже понятная ошибка Колоколова таилась в том, что он запас для будущего экипажа несколько бочек хорошего керосина, а обнаружилось, что керосин для авто не годится – нужен бензин, которого даже в Якутске не водилось.

Экипаж оказался удобным и красивым, перепродать его было некому, а держать в сарае до лучших времен неразумно. Так что Колоколов оставил его себе для торжественных конных выездов по Николаевской улице.

Колоколов ступил на ковровую дорожку и пошел к пристани. За ним шел его сын Костя.

Народ на пристани смолк.

Колоколов шел не спеша. Остановился возле городских чинов, что стояли чуть повыше, не смешиваясь с толпой, некоторым пожал руку.

И хоть Ефрем Ионыч был родом из местных старообрядцев, носил бороду, не брезговал появиться на людях в поддевке, внутри он был совсем иным человеком – современным, деловым, грамотным, в меру прижимистым, тихим и вежливым в обращении.

Сына своего Костю, что следовал за ним послушно, он держал в строгости. Отправил его сначала в гимназию в Якутск, затем в Петербургский университет, но через год, узнав, что сын ведет себя скромно, не пожалел денег и послал Костю в Великобританию продолжать образование в Оксфорде. В Оксфорде Костя не преуспел, потому что ему плохо давался английский язык, да и соблазнов было много. Поэтому через два года он был возвращен отцом для помощи в делах, привез много галстуков и шелковых сорочек, а также гонорей, от которой вылечился у ссыльного доктора Шмотоваленко.

Вернувшись в Новопятницк, Костя тосковал по столичной и европейской жизни, втихомолку пил с приказчиками и полагал, что его жизнь погублена, однако не имел силы противиться отцовской воле. Он вел деловую переписку и писал стихи в подражание Надсону, что не вязалось с его могучим обликом, золотыми кудрями и розовым лицом.

Филимонов, будущий городской голова, присоединился к семье Колоколовых, потом за ними увязался пристав. Так они и прошествовали, оживленно беседуя, до самых сходен.

И остановились.

Палубные пассажиры толпились у борта, ожидая, пока сойдут пассажиры каютные.

Первым вышел профессор Мюллер. Федор Францевич был поражен оживлением, царившим на пристани, и счел это знаком уважения к его скромной, но международно известной персоне. Он поклонился толпе, но тут же по пустым, не узнающим взорам господина Колоколова и сопровождавших его персон

понял, что торжественная встреча к нему не имеет отношения. Растерянность профессора продолжалась недолго, потому что он услышал справа приветственные возгласы, исходившие от небольшой кучки небогато одетых людей, среди которых, к своему облегчению, узнал своего бывшего студента Андрея Святославовича Нехорошева. Нехорошев кинулся к профессору и нечаянно толкнул Колоколова, который холодно наблюдал за тем, как ссыльные окружили толстого низенького мужчину в котелке и пенсне, отнимают у него саквояж, перехватывают у матроса, шедшего следом, большой и тяжелый ящик.

- Кто такой? - спросил Колоколов у Филимонова. - Почему не знаю?

- Профессор из Петербурга, - сказал за Филимонова пристав.

- Опять бабочек ловить? - ухмыльнулся Колоколов.

Он намекал на позапрошлогоднего профессора, что добирался до Новопятницка в поисках каких-то букашек, чуть не утонул в Лене и был бит по пьяному делу Ахметкой, после чего убрался со своим сачком восвояси.

- Нет, - сказал пристав. - Он едет искать болид.

- Кого? - Колоколов обернулся к сыну.

- Падающую звезду, метеорит, - ответил Колоколов-младший. - Который весной за Урулганом упал.

- Зачем?

- Отец, - сказал с некоторой обидой Костя, - я же в июле просился у вас - пустите меня посмотреть. Могла быть всемирная слава.

- Чепуха! - сказал Колоколов-старший. - Только деньги тратить. Помню, помню, - предвосхитил он возражения сына. - Ты же говорил, что эти... болиды, возможно, бывают из червонного золота. Как же!

- Мы могли прославиться, - упрямо повторил Костя.

– Дурак! – Отец смотрел на пароход, ожидая появления важных гостей. – Я же тунгусам велел посмотреть. Там только тайга паленая, ничего нету.

С парохода сошли торговец Алачачян со своей семьей и миссионер из камчатского братства, к которому сразу поспешил отец Пантелеймон, извещенный о его приезде. Потом хлынула толпа палубных.

– Эй! – крикнул Колоколов капитану Селиванову, что стоял на крыше парохода у своей рулевой будки. – Селиванов, ты англичан-то не утопил?

– Сейчас придут, – сказал Селиванов. – Куда им деваться, Ефрем Ионыч?

Селиванов был расстроен ночными событиями в каюте мисс Смит. Он относился к меньшинству пароходного населения, которое искренне сочувствовало английской девице, и его расстройство усугублялось тем, что Селиванов, не ведая английских обычаев и правил, не знал, как вести себя утром. Он не стал здороваться с Дугласом, когда тот вышел к завтраку, и старался не смотреть на несчастную девушку, темные круги под глазами которой и распухшие от слез веки лучше всяких слов рассказывали об унижении, которому она подверглась...

На пристани появились иностранцы, о которых было еще на той неделе сообщено из Якутска телеграфом.

Первым вышел мистер Дуглас Робертсон, который приостановился на палубе, оглядывая толпу, затем последовала прелестная грустная девушка с бледным напудренным лицом. Наконец вышли слуги англичан – маленький худой китаец Лю и пышногрудая смуглая Пегги. Лю нес футляр с удочками и зонтом Дугласа, Пегги – две круглые коробки с шляпами мисс Смит.

Цыгане еще громче грянули величальную.

Колоколов подошел к самым сходням и сделал знак сыну.

Костя Колоколов замялся, забыл приготовленные слова, потому что образ англичанки поразил его в самое сердце. Даже в Лондоне ему не приходилось видеть подобной нежной и типично английской красоты.

– Говори! – услышал он рассерженный голос отца.

И, не отрывая взгляда от девушки, Костя Колоколов произнес по-английски приветствие, заученное вчера с помощью Ниночки Черниковой.

– Добро пожаловать в наш отдаленный уголок Российской империи! Разрешите представить вам моего отца, неgociанта, почетного гражданина этого города, который вышел на берег для того, чтобы оказать вам гостеприимство.

– Вы говорите по-английски? – удивилась Вероника. – Это невероятно.

Колоколов-старший потряс ей руку, поздоровался с Дугласом, а затем отступил в сторону, чтобы с англичанами могли поздороваться городские власти.

– Ты переводи, переводи, – сказал он сыну, но тот замолчал. Он договорился с Ниночкой Черниковой, что после первых заученных заранее фраз он уступит ей место. Но Ниночка куда-то, как всегда, запропастилась.

– Минутку, отец, – сказал Костя и кинулся искать в толпе Ниночку. Он отыскал ее среди ссыльных, окруживших профессора, и за руку поволок к англичанам.

Когда они поднимались по откосу, Дуглас смотрел по сторонам, разглядывая цыган и местных зевак, потом поглядел себе под ноги и спросил Колоколова-младшего:

– Здесь принято класть ковры на землю?

– Нет, – сказал Колоколов, глядя на профиль Вероники Смит. – Это для вас.

– Мы тронуты, – сказал Дуглас.

А Вероника увидела авто, запряженное белыми конями, и воскликнула:

– Это удивительнее Великой Китайской стены!

* * *

Профессора Мюллера разместили в гостинице «Лена» – двухэтажном каменном здании, построенном недавно на главной площади радением Колоколова. На первом этаже ее помещался ресторан, где порой пели цыгане, а на втором – шесть номеров для приезжих.

Федор Францевич лишь успел разложить вещи, как его потащили в дом к Черникову, где его ждали к обеду.

Домик Черниковых невелик, гостиной в нем не водится, так что все сразу прошли в столовую. Мария Павловна, жена Черникова, еще не старая, кругленькая, добрая якутка, суетилась у стола, накрывала его, стараясь не мешать умным разговорам.

Сам Семен Натанович Черников, поглаживая нервными пальцами широкую с проседью бороду, сидел во главе стола и критическим взглядом оценивал усилия своей супруги. По правую руку от него сидел его закадычный друг отец Пантелеймон, неумно любознательный и крайне веселый человек. И были они с Черниковым схожи – манерами, вальяжностью, бородами, но Черников был втрое меньше отца Пантелеймона, зато втрое говорливей и бурливей. По левую руку от хозяина посадили петербургского профессора, а рядом с ним уселся Андрюша Нехорошев, бывший мюллеровский студент, худой, носатый, неловкий, влюбленно глядевший на профессора, которому поклонялся в университете и появление которого в Новопятнице было для Андрюши подобно явлению божества, и к этому явлению Андрюша готовился с весны, как только узнал, что, получив сообщение Андрюши о падении метеорита за Урулганским хребтом, Мюллер изъявил желание собственноручно отыскать и изучить небесный камень.

Сведения о падении болида, случившемся в марте, проникли в газеты всего мира. Писалось о небесном свечении, об устрашающем грохоте, якобы долетевшем до Хабаровска. Истина смешивалась со слухами, куда более красочными в Вене или Брюсселе, нежели, скажем, в Новопятнице, откуда по карте до Урулгана рукой подать, а на самом деле так далеко, что за полгода никто в те места не добрался, не считая тунгусов, которых посылал колоколовский приказчик и которые ничего, кроме поваленного леса и пожара, не отыскивали, хотя, возможно, опасаясь злых духов тайги, и не очень старались.

Помимо перечисленных лиц, за столом собрались еще несколько ссыльных, а также учитель словесности из церковно-приходского училища и томный, скучный телеграфист Барыкин. Конечно же, всем хотелось узнать петербургские новости, покопаться в журналах, что привез с собой профессор, услышать о событиях на Балканах и об открытии Южного полюса, о том, что нового написал Леонид Андреев, – в глухой провинции всегда есть думающие люди, которые живут интересами нации и всего просвещенного мира.

Но все терпели. Послушно отвечали профессору о метеорите и возможности путешествия за Урулган.

– Если Колоколов не поможет, людей не достать, – говорил отец Пантелеймон.

Он водил пальцем по карте низовьев Лены, привезенной профессором из столицы.

– Тунгусы сейчас съезжаются в Булун, там начинается ярмарка и дележ рыболовных тоней, – пояснил Барыкин.

– Что такое Булун? – спросил Мюллер.

– Это последнее поселение в низовьях Лены, – сказал Андрюша. – Я там был в прошлом году с землемерами.

– Мне знакомо это наименование, – сказал профессор.

– Без сомнения, – пояснил Черников. – В свое время о нем писали в Европе. В семидесятых годах прошлого века корабль «Жаннета» капитана де Лонга был раздавлен льдами севернее устья Лены, и его команда пошла по льдам на юг.

– Помню, помню, – поднял руку профессор, который предпочитал говорить сам. – Они не дошли до Булуна несколько миль и сгнули в снегах.

– Боцман и несколько матросов добрались до Булуна, – с удовольствием поправил гостя Семен Натанович, который тоже любил говорить сам.

– И что там? – спросил Мюллер.

– Там стойбище тунгусов и несколько изб – в них живут казаки. Там есть изба полицейского начальника.

– Крупный культурный пункт наших мест, – сказал иронично телеграфист Барыкин.

Мария Павловна внесла большую деревянную миску с пельменями.

– Отведайте, – сказала она, – отведайте, батюшка.

Ей в жизни еще не приходилось видеть настоящего профессора.

Младшие дети Черниковых – четверо, все одинаковые, скуластые, с прямыми черными волосами – в мать, глазастые, носатые – в отца, – выглядывали из-за двери, сопели от волнения.

Мария Павловна положила пельменей Мюллеру и полила их сметаной.

– Лучших пельменей вы от Северного полюса до Иркутска не отведаете, – сказал гостю отец Пантелеймон.

– Да-да, это великолепно, – согласился Мюллер. – Скажите, а отправится ли кто-нибудь на ярмарку из Новопятницка?

– Колоколов собирался, – сказал Андрюша.

– Две баржи с товаром, – отец Пантелеймон загибал пальцы, – нет, три. «Иона» потащит.

– У Колоколова есть мощный буксир «Иона», – пояснил Андрюша.

– В честь ихнего батюшки назван, – сказал учитель.

– Можно ли нам рассчитывать на место на барже? – спросил Мюллер.

- Нравятся пельмени? – спросила Мария Павловна, удрученная тем, что высокий гость все еще их не попробовал.

Черников разливал водку из стеклянного графина.

- С приездом, – сказал он. – Со знакомством.

Хлопнула дверь. Вбежала Ниночка Черникова. За ней боком, почти упираясь в притолоку, вторгся неловкий Костя Колоколов.

- Пельмени еще не съели? – спросила Ниночка с порога.

- Неужто тебя у Ефрема Ионовича не покормили? – удивилась Мария Павловна.

- Разве там пища? Костя, подтвердите, разве там пища? – Ниночка была возбуждена, покраснелась и была так хороша, что даже Мюллер, равнодушный к женским прелестям, залюбовался ее экзотической красотой.

Как и ее младшие братишки, она унаследовала от матери высокие скулы, брови вразлет и густые волосы цвета воронова крыла, а от отца громадные карие глаза, высокий в переносице, тонкий с горбинкой нос и полные яркие губы.

- Отец привез из Якутска повара, – сообщил, смущаясь, Костя. – Теперь питается по системе доктора Леграна. Вегетарианская пища и долголетие.

Костя говорил серьезно, и непонятно было, осуждает ли он отца либо преклоняется перед его передовыми взглядами.

- Вареная морковка под молочным соусом! С ума сойти! – сказала Нина, занимая место за столом, из-за чего телеграфист Барыкин вынужден был отодвинуться в угол.

- Как же басурманы? – засмеялся отец Пантелеймон. – Им же бифштекс с кровью подавай.

- Ели морковку, а Ефрем Ионыч читал им лекцию о пользе натуральных продуктов, – сказала Ниночка, насаживая на вилку сразу два пельменя.

– Глупо, – впервые заговорил Васильев, из ссыльных эсдеков. – В руках торговцев накапливаются колоссальные средства, а они по серости своей не знают, во что их употребить.

– Ошибаетесь, голубчик, – возразил Черников. – Это Иона Колоколов не знал, как употребить, в кубышку складывал. А наш уважаемый почетный гражданин не лишен выдумки и предприимчивости. Он впитывает современные веяния, порой варварски, но впитывает. Прости, Костя.

– А я не обижаюсь, – сказал Костя. – Я даже иногда преклоняюсь перед ним.

– Твоя беда, Костик, – сказала Ниночка, – в том, что ты слабовольный. Ты – диалектическое отрицание собственного родителя.

– Он у нас, как русский народ, – сказал отец Пантелеймон профессору, который мало прислушивался к разговору, продолжая рассматривать карту, придавленную миской с пельменями. – Терпелив к властям предрержащим.

– Я его перевоспитаю, – засмеялась Ниночка, положив ладошку на плечо Косте, и тот зарделся, потому что до сегодняшнего дня полагал Ниночку единственным близким себе существом в проклятом городишке, а уютный добрый дом Черниковых был ему куда роднее отеческого. И когда два часа назад он влюбился в англичанку, то тут же согнулся под чувством глубокой вины и невозможности что-то изменить в своей жизни.

Мария Павловна принесла еще миску пельменей погорячее, специально для Костика.

– Прекрасным иудейкам, – загудел отец Пантелеймон, – свойственно в силу ихнего характера распоряжаться мужскими судьбами. Однако Библия учит, что редко это приводило к добру.

Все засмеялись.

Семен Натанович не засмеялся – его беспокоили отношения между его дочерью и купеческим сыном. Сам он был лишен сословных и прочих предрассудков, но знал, как важны они для других. Костя был образован, мягок, но неудачник,

прирожденный неудачник, который всю жизнь будет позволять иным людям управлять собственной судьбой. А когда рядом есть отец – человек волевой и спесивый, уверенный в своем праве крутить сыном, как того пожелает, то будущее Ниночки, как ни странно, весьма похожей по властности характера на старшего Колоколова, пугало старого террориста.

Семен Натанович вздохнул, поискал глазами Марию Павловну и знаком велел ей принести еще водки.

Черников потерял счет годам, проведенным в Сибири. Попал он туда в 1879 году, по процессу девяноста шести, еще молоденьким наивным народовольцем, бежал, участвовал в нескольких дерзких акциях, скитался по явкам, бедствовал, спорил в прокуренных комнатах, готовил бомбы, рыл подкопы – было это все одним быстротекущим сном, от которого в памяти остались лишь ненужные частности. В 1882-м он был пойман окончательно, приговорен к смерти, помилован, получил двадцать лет каторги и лишь через десять лет вышел на поселение в Новопятницком – тогда еще деревне и пристани на Лене. И оказалось, что дело, которому он служил, изменилось уже настолько, что и ты ему не нужен, и оно тебе неинтересно. Юношеская энергия и самопожертвенность голодного юноши из Белостока сгорели на каторге – хорошо еще, что сохранилось здоровье. Это не означает, что Семен Натанович изменил своим взглядам или морально опустился. Но он устал и не желал убегать тайгой в Париж, метать бомбы в кареты губернаторов или устраивать голодовки в центральном.

В Семене Натановиче проснулся наследственный портняжный талант. Он осел в Новопятницком, там же женился на низенькой разбитной якутской сироте, что сбежала из миссионерского приюта. Родилась Ниночка, и он по настоянию Марии Павловны крестил дочь. Как и остальных своих детей. Был он честен, гостеприимен, начитан и верил в прогресс. Дом его стал центром культурной жизни села. Своим бескорыстием, умением тихо и ненавязчиво помочь любому, обогреть и улыбнуться Семен Натанович вызывал участие многих в Новопятнице. А в Новопятнице обитали разные люди. И всем казалось, что жил он там всегда. И даже железная вывеска с нарисованным на ней масляными красками франтом в котелке и смокинге под надписью «С. Черников. Мужской портной из Варшавы», приколоченная у ворот, совсем облезла от старости. Черников не менял ее. По преданию, она была написана самим князем Кропоткиным.

Ниночку сначала учили дома. Недостатка в ссыльных учителях не было. Девочка проявила удивительные склонности к языкам и выучила их более дюжины. К тому же неплохо музицировала, для чего Черников выписал для нее скрипку. Когда Ниночка подросла, Семен Натанович отправил ее к родственникам в Белосток, где она поступила в частную гимназию.

Он понимал, что Новопятницк не место для интеллигентной девушки, которой надо найти свою судьбу. Он надеялся, хоть и тосковал по дочери, что она останется в Белостоке, у тети. Но Ниночка была дочерью известного террориста Семена Черникова, и хоть мало кто подозревал, что бывший боевик жив и обитает в Новопятнице, рассказы о его похождениях до сих пор бытовали среди революционеров. О нем писали Степняк-Кравчинский и сама Вера Фигнер. Ниночке не исполнилось еще шестнадцати лет, как ее позвали на сходку, а потом она оказалась в группе молодых людей, которые готовили акцию в Варшаве. Ниночка горела желанием освободить народ от притеснения царских сатрапов, даже если за это надо заплатить собственной жизнью.

Погибнуть ей не удалось, потому что ее тетя обо всем прознала и принялась писать тревожные письма брату. Ротмистр Польшаев, по долгу службы перлюстрировавший переписку ссыльных, был в курсе проблем семьи Черниковых. И когда он пришел к Семену Натановичу заказать новую шинель, то открыл ему свои подозрения, так как не хотел причинять горя единственному в Новопятнице портному. Да и знакомы они были уже более десяти лет. И никто не знает, наверное, как случилось, что Ниночку арестовали за день до того, как она должна была ехать в Варшаву, чтобы убить там полицмейстера, и административным порядком выслали в Сибирь под надзор родителей. Ниночку допрашивали, но она, конечно же, никого не выдала. А ее товарищи, приехав в Варшаву с бомбами, акцию провести не смогли, потому что сатрап уехал на отдых в Гурзуф.

Так что начиная с 1910 года в семье Черниковых было два политических ссыльных.

Понимание характера своей дочери, ее тоски по бурной революционной жизни, ее стремления к знанию, к людям тревожило старого портного. Ниночке шел девятнадцатый год, она расцвела, как экзотический цветок, в этом сером тусклом краю, и неизбежно было, что она потянется к Косте Колоколову, который принес с собой из Лондона европейский лоск, европейскую печаль и такую же тоску по иному миру. Но Костя был всегда готов, тоскуя и страдая,

подчиняться сильному характеру, а Ниночка никому и ни за что подчиняться не намеревалась и планировала дерзкий побег в Америку для того, чтобы там снова окунуться в кипящее море революции. Семен Натанович подозревал, что в ее увлечении Костей Колоколовым была не только ностальгия, не только стремление к близкому тебе по духу человеку, но и желание использовать его для того, чтобы вырваться из ленского болота. Эти планы, хоть и не высказанные и, может, даже не продуманные до конца, ужасали Черникова. Он понимал, что старый Колоколов никогда не допустит этого. Скорее убьет и своего сына, и его невесту. Колоколов был спесив и тщеславен, а его сын был наследником империи, в которую входили смолокурни, раскиданные по берегам Лены, прииски у Вилюйска, рыбные тони в дельте, фабрики, снабжавшие тунгусов патронами и водкой и скупавшие у них песцовые и соболяшки шкурки, и небольшой город Новопятницк.

Когда Семен Натанович увидел, как Ниночка, словно ей это было дозволено, положила тонкие пальчики на плечо Кости Колоколова, он вздрогнул от предчувствия беды, а отец Пантелеймон, который все видел и все понимал, сокрушенно покачал головой. Он был внутренне согласен с портным, но, как и его друг, не знал, каким образом отвести от девушки беду.

* * *

– Как вам показались англичане? – спросил телеграфист Барыкин у Ниночки.

– Самые обыкновенные англичане, – ответила Ниночка. – Костя таких, наверное, видел миллионами, правда, Костя?

– Видел, – согласился Костя и чуть-чуть повел плечом, освобождая его от Ниночкиных пальцев. Это движение, не замеченное Ниночкой, не укрылось от отцовского взгляда Семена Натановича, и он еще более опечалился.

– Правда, у Вероники неплохой голосок, – сказала Нина. – Она пела.

– Пела? – удивился отец Пантелеймон. – А я полагал по темноте моей, что английские лорды и леди при народе не поют.

– Какая она леди! – воскликнула Ниночка, принимаясь за вторую тарелку пельменей. – Она зарабатывает в кафешантанах. Подтверди, Костя.

– Я не знаю про кафешантаны, – возразил Костя. – Об этом она не говорила. Но сказала, что выступает с концертами.

– Она, разумеется, не говорила, – сказала Ниночка, – но это подразумевалось само собой. С таким голосом дальше не пойдешь.

– А ее жених? – спросил Барыкин.

– Жених ее – странная личность. Вроде бы журналист. А может, просто светский хлыщ. Он мне тоже не понравился.

– Он журналист, – сказал Костя. – Он здесь по поручению газеты «Дейли мейл». Это очень влиятельная газета.

– Невысокого пошиба, – добавила Ниночка.

– Значит, они тебе не понравились? – спросил отец Пантелеймон.

– Я этого не сказала.

– Меня же, – сказал телеграфист Барыкин, – растрогал образ молодой женщины, которая бросает светские удовольствия и прелести лондонской жизни ради спасения собственного отца.

– Она попросту не представляла, что ее здесь ждет, – сказала Ниночка.

– Ну уж не к дикарям приехала, – сказал эсдек Васильев. – Дальше Булуна ей и ехать не нужно. Комары только покусают, вот и все испытания.

– Они расспрашивали отца, – сказал Костя, – про того тунгуса, который труп нашел и письмо принес.

– Чай подавать? – спросила Мария Павловна.

Андрюша тут же поднялся и пошел с ней в сени, чтобы принести самовар.

Костя сидел печальный. Он рад был уйти, но не знал, как это обставить, чтобы не быть смешным. Ему вдруг показалось, что мисс Вероника может неожиданно уехать и он никогда ее не увидит.

– Матрос погиб примерно в ста верстах от устья Лены, – сказал отец Пантелеймон.

– Я пойду, – сказал Костя. – Отец будет гневаться.

– Никто тебя не ждет, – сказала Ниночка раздраженно. – Кому ты нужен? Твой отец вьется вокруг иностранки. Видите ли, настоящая иностранка в наших краях! Слово у нее ноги иначе устроены.

– Деточка! – попытался остановить дочь Семен Натанович. – Последи за своим языком.

– Мне уже скоро девятнадцать лет, – сказала Ниночка, – и все время я слышу одно и то же – осторожнее, осмотрительнее!

– В вашем возрасте и в самом деле лучше быть осмотрительнее, – сказал отец Пантелеймон.

– Ах вы, со своей лживой проповедью смирения! – огрызнулась Ниночка, которая, разумеется, была последовательной атеисткой.

Костя от чая отказался и раскланялся. Ниночка хотела было проводить его, но не пошла. Если ему хочется бежать к этой каланче – его дело.

А Косте в самом деле хотелось. Весь мир норовил угодить в соперники. И этот лощеный Дуглас, и даже отец. А почему бы и нет? Отец вдов, отец тщеславен, отец может вообразить себе, что у него есть шансы стать английским лордом. А какой сибирский купец откажется стать английским лордом? Все у них есть, а английским лордом еще не пришлось побывать.

Костя несся домой, топая по лужам. Городок был оживлен – не каждый день приходит пароход.

А дома все было мирно. Гости отобедали и ушли отдыхать в отведенные им комнаты. Костя обнаружил лишь служанку Вероники по имени Пегги. Она сидела на кухне в окружении колоколовской челяди, пила чай, ничего не понимала, что ей говорили, но живо отвечала, показывая жемчужные зубы.

Костю никто в доме не боялся. Кухарка, завидя, что он вернулся, попросила объяснить, о чем говорит эта черная девка. Пегги ожгла Костю черными глазами и стала говорить ему. Костя понял не все, но объяснил слугам, что Пегги родом из страны Цейлон в тропиках. Зовут ее вовсе не Пегги, а Пегги – это прозвище, данное молодой госпожой. Пегги не хочет ехать дальше, но поедет, потому что госпожа к ней добра, а мистер Смит ей все равно что родной отец. Может, Костя не все понял, но слушательницы были довольны. Второй слуга, китаец, сидел в углу, пил чай, с ним никто не говорил, а он и не навязывался. Что китаец, что кореец – одна семья, этим здесь не удивишь: на золотых приисках много работает корейцев, приезжают целыми артелями.

На втором этаже было тихо. Костя прошел, стараясь не скрипеть половицами, до двери в комнату Вероники. Оттуда доносились тихие голоса. Говорили по-английски и невнятно.

Костя ревновал к Дугласу и, подавленный, пошел в кабинет к отцу, который сидел за столом и крутил в пальцах ручку с золотым пером. При виде сына он сказал:

– Живем как варвары.

– Ты им поможешь? – спросил Костя.

– Безусловно, – сказал Колоколов. – Пускай весь мир знает, что мы всегда людям помогаем.

– Они к устью хотят?

– Дальше Булуна не уплывут.

Отец Колоколов поднялся из-за стола – большого красного дерева сооружения, на нем танцевать можно. Этот стол купил отец в Иркутске за сто пятьдесят рублей и гордился им не меньше, чем роялем, что стоял в гостиной.

– Поет она, стерва, нежно, – сказал он. – Как, понравилась?

– Я не обратил внимания.

– Врешь. Обратил. Но я не возражаю. Ты лучше на нее обращай, чем на Нинку Черникову.

– Отец, не надо.

– Что, я не вижу, что ты к Черниковым частишь?

– У нас общие интересы.

– Знаю, какие интересы. По кустам обниматься. Дело твое, но жениться не позволю. Иди. – В дверях догнал сына строгим голосом: – Смотри, чтобы Нинка не забрюхатела.

– Отец!

– Я не о тебе пекусь. Семена Натаныча уважаю.

* * *

Мисс Смит вышла из своей комнаты уже к вечеру. Костя подстерегал ее в нижней гостиной, читал книгу Герберта Уэллса, привезенную из Лондона, потрепанную, совсем ветхую на первых двадцати страницах и почти новенькую к концу, что свидетельствовало о неудачных попытках молодого человека ее одолеть. Костя сидел на обитом бордовым бархатом диване под фикусом в большой кадке и был почти не виден от лестницы. По лестнице сбежала, шурша юбками, Вероника. За ней шел Дуглас Робертсон и тихо выговаривал ей, но делал это так по-английски, что Костя ничего не понял.

Гости, разговаривая, приближались к дивану, на котором он сидел, и Костя понял, что они его вот-вот увидят. Поэтому он поднялся, не выпуская книги, и попросил по-английски прощения за то, что оказался на пути гостей. Дуглас был недоволен, вытащил монокль и принялся рассматривать Костю, словно тот был экзотическим животным, хотя за обедом они сидели рядом.

– Ах! – воскликнула очаровательная Вероника. – Мы так виноваты, что потревожили ваше уединение. Вы же понимаете по-английски?

– Немного, – сказал Костя, краснея.

– Садитесь, – сказала Вероника, будто Дугласа не было рядом. – Я, с вашего разрешения, посижу вместе с вами. Что за книгу вы читаете?

Она тонкими пальцами взяла книгу из руки Кости, увидела имя автора и воскликнула:

– Герберт Уэллс! «Война миров»! Чудесный роман. А читали ли вы его произведение под названием «Первые люди на Луне»?

– Вероника, – сказал Дуглас, – мы должны нанести визит полицейскому комиссару. Он ждет нас.

– Сходите один, – сказала Вероника и уселась на диван.

– А как вы относитесь к Энтони Треллопу? – спросила она с улыбкой.

Костя в жизни не слышал такого имени и потому ничего не ответил, лишь глядел на девушку – воплощение европейской чистоты. От мисс Смит пахло тонкими духами. Дуглас произнес английское проклятие, которого Костя не понял, а Вероника не услышала, и покинул гостиную. Снаружи его ожидал приказчик, который отведет его к приставу, чтобы тот изучил бумаги и паспорта путешественников, потому что в этом и состоит его служба.

А Вероника и Костя начали разговаривать. Вероника специально подбирала простые выражения, чтобы Костя их понимал, а Костя от натуги вспомнил многие английские слова, которых с Оксфорда не вспоминал.

Вероника расспрашивала его об отце, об их деле, о реке Лене, о туземцах, а потом уговорила Костю повести ее на склад, где хранилась пушнина. Отца не было, он ушел по делам на пристань. Костя дал рубль Ахмету, который сидел в тот день на складе. Они прошли с англичанкой в низкий с маленькими зарешеченными окошками сарай. Шкур было не так много: зимние почти все уже вывезли, а летние меха не так хороши. Меха свисали гроздьями. Вероника гладила их, мурчала, как котенок, была уютная, ласковая. Костя оглянулся, не пошел ли за ними Ахметка. Ахметка не пошел. Костя наклонился к розовому ушку, что выглядывало из-под локона пепельных волос. От волос и уха пахло соблазнительно духами. Вероника замерла, чувствуя приближение Костиных губ. Костя дотронулся горящими губами до уха, и девушка сказала тихо:

– Ах, вы меня испугали!

– Простите, – сказал Костя. – Я нечаянно.

От растерянности он произнес эти слова по-русски, но девушка поняла его правильно и совсем не рассердилась.

– Не надо этого делать, – сказала она тихо. И была в ее голосе и решительность, и беззащитность, и Костя понял, что отныне он посвятит свою жизнь, чтобы защищать и опекать эту несчастную девушку, благородное сердце которой привело ее в сумрачный сибирский край.

Пальцы молодых людей встретились – горячие пальцы Кости и прохладные пальцы Вероники. Костя дрожал и не мог двинуться с места.

– Эй, – позвал Ахметка, входя в сарай, – поглядели, и хватит. Хозяин придет, ругаться будет.

Вероника кинула еще один взгляд на Костю и сожгла его сердце.

Вечером, уже позже, когда Костя был на улице, Косой сказал ему, что матросы с «Радонежского» слышали, что эту английскую девицу ее кавалер ночью бесчестил и она кричала. Костя не поверил, не хотел поверить, но возненавидел холодного Дугласа.

* * *

Мистер Робертсон уже сносно говорил по-русски. Он начал изучать язык еще в Лондоне, решив сопровождать Веронику в дальний путь, и не терял ни одного дня в путешествии. Он не чурался разговоров с попутчиками в поездах и кондукторами, крестьянами и полицейскими чинами. Склонность к подражательству и настойчивость привели к тому, что Дуглас понимал все и мог выразить любую мысль, правда, произношение его оставалось настолько британским, что не каждый мог его понять. А Вероника, которая также изучала язык этой страны, произносила слова правильно, ибо была награждена от природы музыкальным слухом, но, к сожалению, знала мало слов и совершенно не понимала грамматики.

Колоколов-старший в тот вечер часа два беседовал с мистером Робертсоном. Любознательность в сочетании с подозрительностью заставила его быть настойчивым. Ведь англичане впервые приезжают в Новопятницк. И дело у них такое, по какому раньше люди сюда не попадали, – искать пропавшую экспедицию. И девушка хороша собой, так хороша, что Колоколов пожалел, что ему уже шестой десяток. А то бы... А что? Жениться, может быть, и не женился бы, а иметь в любовницах настоящую английскую даму – такого не удавалось ни одному сибирскому промышленнику от Читы до Иркутска. А сомнения тоже были. Сомнения вызывал Робертсон. Молодой, наглый, голову держит высоко, а по глазам лжив. С первого же мгновения Ефрем Ионыч почуял холод между молодыми англичанами – они не похожи на жениха и невесту. А если обман? Тогда искать его надо в Робертсоне – с мисс Смит все ясно. Достаточно открыть газету, чтобы понять – была такая экспедиция, вся Европа читала, что молодая дочь путешественника отправилась в дальнейшее путешествие. Это понятно, это по-христиански. Но спутник – что за спутник? Какая может быть у него корысть?

Нельзя сказать, что Колоколов не верил в любовь. Сам был молод, совершал глупости и не жалел о них. Потом сообразил, что не женщины ему нужны, а он им. Все они смелые да недоступные, пока ты им даешь волю. А если женщина видит, что ты без нее обойдешься, она начинает беспокоиться и вот уже готова за тобой бежать. Ты только потерпи, не рви зеленое.

Может, и не стал бы Ефрем Ионыч тратить время на разговоры с мистером Робертсоном, если бы Вероника не задела его сердце. Давно такого не случилось, после той цыганки в Новониколаевске, а тому уже шесть лет.

Колоколов знал о ночном происшествии на пароходе – доложили. И происшествие ему было непонятно. Как можно насильничать собственную невесту? И какой мужик позволит себе лезть к женщине, если она не выкажет согласия? Кто в этой паре хозяин, кто слуга? Равных людей не бывает...

Битых два часа Колоколов говорил с Дугласом, но, если не знаешь языка, до сути человеческой не докопаться. Получалось, что мистер Робертсон как бы сделал Веронике великое одолжение, оплатил все путешествие и горит желанием совершить доброе дело.

Так они и расстались, поговорив бесполезно.

Колоколов пошел к себе в кабинет —, бумажные дела накопились. Но не работалось. В ушах стоял горловой Вероникин голос, а в глазах – ее внимательный взгляд. Открытый, спокойный и бесстыжий.

Через полчаса Колоколов не выдержал, пошел по дому. А дом был пуст. Ни гостей, ни сына.

Колоколов задул в кабинете лампу, сел у окна и стал смотреть на улицу.

А Костя гулял с Вероникой по набережной. Набережная – пологий спуск к Лене за пристанью. Когда-то ссыльный анархист Прелюбодейко решил высадить здесь аллею из лип – тосковал по своей Украине. Он их укутывал на зиму дерюгой, разжигал костры – и сколько лет он прожил в Новопятнице, столько эти деревья жили и даже выросли выше человеческого роста. Но потом Прелюбодейко сгорел от чахотки. Перед смертью умолял, кричал людям, чтобы не оставили его деточек. И все обещали. Колоколов тоже – аллею хотелось спасти. Но зимой не собрались, забыли закутать – каждый думал, что другой сделает. Весной, когда липы не распустились, переживали. Отец Пантелеймон готов был бороду себе вырвать за забывчивость.

Так что Костя с Вероникой гуляли над рекой среди тонких, уже побитых ветрами и покосившихся, подобно старому забору, липовых стволов. Там лежала здоровая колода – когда-то втащили сюда, чтобы сидеть, смотреть на луну. Так и звалась: лунная колода.

Сидели там те, кто имел серьезные намерения. Если парень в Новопятнице скажет девушке: «Пошли на колоду», можно готовиться к венцу. Вероника про колоду не знала и села на нее без задней мысли. Было ветрено, она прижалась плечом к Косте и молчала – англичанки народ молчаливый. И Косте казалось, что вернулся вечер пятилетней давности, когда он сидел в оксфордском парке на подстриженном газоне и Салли молчаливо жалась к нему плечом. Салли потом прислала письмо, что ждет ребеночка. Костя письмо сжег, чтобы не попало на глаза отцу.

Английский язык вылезал из Кости, словно изображение проявляемой фотографии. Он даже из Байрона вспомнил, правда, не точно, и Вероника его мягко поправила.

– Я вспоминаю Оксфорд, – говорил Костя, и Веронике было странно, почти сказочно, что неуклюжий русский дикарь говорит об Оксфорде, а рука его все тяжелее жмет на плечо.

– Я так переживаю о судьбе отца, – сказала Вероника.

– Я поеду с вами, – сказал Костя. – Вам нужен защитник в пути.

– О, как я вам признательна!

Вероника легко коснулась губами его щеки, и Косте стало внутри щекотно и горячо. Он отыскал ее губы и впился в них, и они стали падать с колоды, но Вероника легко вскочила и рассмеялась:

– Какой вы неуклюжий!

Костя помог Веронике отряхнуться, она все смеялась, но негромко.

С неба упала звезда.

– Я собирался просить отца, чтобы он отпустил меня с экспедицией профессора Мюллера, – сказал Костя, когда они уже снова сидели рядом на колоде, но не касались друг друга. – Но теперь поеду с вами.

– Профессор Мюллер такой умный, – сказала Вероника. – А вы видели, как падал тот болид, который он собирается отыскать?

– Светло было, как днем, – сказал Костя. – И грохот – стекла повывлетали.

– Дуглас тоже хотел на него посмотреть. Он журналист, он должен написать об этом для «Дейли мейл». Но поиски моего отца важнее, правда?

– Разумеется, – сказал Костя. – Пускай ваш Дуглас едет с профессором – мы найдем вашего отца без его помощи.

Вероника поняла и оценила ревность. И засмеялась.

Мелодично, серебряно, только она так умела.

– Мы с ним не близки, – сказала она. – У Дугласа свои интересы, у меня свои.

– Разве он вам не жених?

– О нет! Он равнодушен ко мне, но ведь для того, чтобы быть женихом и невестой, надо иметь взаимные чувства.

Вероника замолчала, долго смотрела в землю, думала. Костя любовался ее профилем и не смел прервать ход ее мыслей.

– Я должна вам признаться, – голос ее дрогнул, – потому что вы внушаете мне доверие. – Вероника сглотнула слюну. – Этой ночью на пароходе...

– Что? – Костя боялся признания, но и ждал его.

– Этот человек пытался овладеть мною. Вы понимаете?

– Он напал на вас?

– Мне стоило огромных усилий отразить его нападение.

– Я его убью!

– Он не стоит вашего внимания.

Они помолчали.

– Расскажите мне о своем отце, – попросила Вероника. – В нем есть первобытная сила.

Костику вопрос не понравился. Вопрос означал, что в Костике такой силы нет.

– Он совсем необразованный, – сказал Костик.

– А разве это важно?

Они не слышали, как подошла Ниночка. Она подошла, потому что надеялась, что Кости с Вероникой на колоде нет. Это было бы слишком ужасно. И когда она увидела их, плечом к плечу, поглощенных интимной беседой, в ней буквально сердце оборвалось. Она стояла и не смела двинуться с места.

И неизвестно, сколько бы она стояла, если бы не твердые шаги Дугласа, который также был неспокоен и незаметно пошел вслед за Ниночкой, догадавшись, что она будет разыскивать Костю.

Дуглас нарушил спокойствие ночи, сказав громко:

– Вероника, тебе пора спать.

Голос Дугласа был хорошо модулирован, как голос большого концертного рояля.

Вероника вскочила, словно ее поймали на месте преступления.

– Иду, – сказала она. И добавила после короткой паузы: – Костя рассказывал мне о местной жизни.

– Я видел, – сказал Дуглас.

Вероника пошла к Дугласу, а Костя, который только что намеревался вызвать Дугласа на дуэль или растерзать его голыми руками, так и остался стоять у колоды.

Вероника и державший ее за локоть твердыми пальцами Робертсон растворились в синей мгле, а Ниночка осталась. И Костя увидел ее. Она ни в чем не была виновата. И еще вчера Костя мечтал о ее объятиях. И в мгновение ока все трагически изменилось – Ниночка на глазах теряла его. И была ввергнута в пучину ужаса.

– Что тебе надо? – грубо спросил Костя. Он сейчас был зол на Ниночку за то, что подглядывала и присутствовала при его унижении.

– Я нечаянно, – сказала Ниночка. – Я просто гуляла...

Она повернулась и побежала прочь.

И Косте стало еще противнее, потому что он был добрым человеком и не хотел никого обижать. Но как только ему встретился идеал, со всех сторон прибежали люди, которые были этим недовольны и хотели разлучить его с идеалом.

Костю мучило воображение.

В этом воображении подлый красавец Дуглас Робертсон крался в носках и махровом халате к двери Вероники. Вероника покорно открывала дверь, и тот набрасывался на хрупкую девушку, осыпая ее градом страстных поцелуев, терзая ее нежное тело.

Ефрем Колоколов был детищем своего времени и места. Купец, миллионер и тиран. От современного были лишь рояль в гостиной, авто и вегетарианство. Дуглас Робертсон также был логичен – порождение западноевропейского мира с привычкой к горячей ванне, сухим воротничкам, страстью к деньгам и англиканской трезвостью. Костя Колоколов оказался на перепутье. Вырос, как сын Ефрема, учился, как Робертсон. Полюбил горячую ванну и чистые воротнички, но не смог отказаться от сибирских темных страстей – такой феномен любят живописать сибирские писатели. Костя умел целовать дамам руки, говорить с ними по-английски, спорить с Ниночкой о целесообразности

террора и идеях князя Кропоткина, но не забывал о том, как отец брал его в детстве на медвежью охоту, как дрался он в стенке с молодцами с соседней улицы и как убивают колодников и душегубов.

Костя готов был по-английски предложить мисс Смит руку и сердце, но не делал этого, потому что опасался отцовского гнева. Но когда он думал о Дугласе, в нем просыпался сибирский парень, который мог побить любого врага, а если не мог, то знал, кого послать на это дело. Если бы Дугласу пришлось расправиться с врагом, он выбрал бы пистолет или подметное письмо. Костя предпочитал право кулачное.

Уверенности в том, что одолеешь Дугласа один на один, не было. Тот был спортсменом – по всему видно: и в походке, и в стати, и в легкости движений. И Костя сделал то, что сделал бы на его месте любой купеческий сын: если есть слуги, слугам можно приказать.

Костя пошел к Косому и сказал, что надо англичанина немного поучить. Косой не стал спрашивать, за что – не его это дело. Да и кто любит в России иностранцев – от них только пакости. Косой свое отсидел за грабеж и поножовщину, а потом прижился в этих местах, так что человек он бывалый.

Косого смущало другое: дознается Ефрем Ионыч – не жить.

Костя пошел на хитрость – намекнул приказчику, что Ефрем Ионыч против того ничего не имеет, но, конечно, знать об этом не хочет и закрывает глаза.

Неизвестно, поверил Косой или не поверил, но позвал Ивана Молчуна. Костя успокоил их еще больше, дав три рубля и добавив, что членовредительства не требуется – поучить, но без следов. А это было делом обычным. Почему не поучить, чтобы без членовредительства?

Мистер Дуглас Робертсон гулял перед сном, пока его слуга Лю надувал резиновую ванну и наполнял ее согретой водой. Ванну поставили за кухней, в пристройке, на нее ходила смотреть вся челядь, смеялись, только Ефрем Ионыч не смеялся, решил, что потом купит себе такую же.

Оставив Лю заниматься делом, Дуглас пошел по берегу Лены, глядя на воду и небо и печалась, как печалится любой европейский житель, когда видит такую

бескрайность и однообразие – не на чем остановиться взгляду: водная гладь, плоские берега и так до конца земли.

Дуглас дошел до крайних домов, размышляя о том, чем же могут сейчас заниматься их жители: темно, нигде света нет, ложатся спать на закате, встают на рассвете. Какая тусклая, скучная жизнь!

Тут перед ним возникли две фигуры. Фигуры были крупными, плечистыми. До того момента Дуглас полагал, что находится здесь в полной безопасности, так как городом правит порядок, воплощенный в фигуре исправника и господина Колоколова. А если и нет порядка для иных, то порядок для английских гостей будет соблюдаться строго. Да и Колоколов дал понять. «Гуляйте, – сказал он, – ничего не опасайтесь».

В фигурах была напряженность, пьяное покачивание. На своем веку Дугласу приходилось встречаться с темными людьми и рискованными ситуациями, и он инстинктивно ощутил опасность.

– Закурить будет? – спросила одна из фигур – лица разглядеть было трудно, да и все простонародные русские казались Дугласу на одно лицо.

– Я не курю, – сообщил Дуглас и постарался обойти фигуры.

– Он не курит, – сказала одна фигура другой.

И в тот момент, когда Дуглас пытался обойти ее, она дернула англичанина за рукав, и тот, ожидая подобного действия, резко вырвал рукав.

Косой – а это был приказчик – охнул и крикнул негромко своему другу:

– Он меня бьет!

– Бьет?

Ванька Молчун страшно озлился и без лишних разговоров замахнулся. Если бы Дуглас не был готов к такому обороту дел, он наверняка уложил бы его таким ударом.

Но Дуглас успел пригнуться, удар пришелся по плечу, но и такой пошатнул англичанина.

Дуглас отпрыгнул и сказал:

– Я буду звать... – но забыл, как по-русски слово «помощь».

Косой кинулся на него.

Дуглас выхватил свисточек, что висел у него на шее, и короткий негромкий свист разодрал тишину.

– Он еще свистит! – прорычал Молчун, и ему удалось достать англичанина. Тот упал на колени, но от следующего удара Косого увернулся.

Молотя кулаками, нападающие сами себя сердили, и злость их стала искренней.

Костя, который наблюдал за дракой из-за угла сарая, даже испугался, не пришибут ли они Дугласа, – это в его расчеты не входило. Но вмешаться он не мог. Самого пришибут. Такие люди – вахлаки.

Дуглас был ловок, быстр и увертлив, так что лишь пятый удар достигал цели. Да и сам он ловко давал сдачи – удары у него были совсем другие, не размашистые, а боксерские, короткие и прямые. Одним он даже свалил Молчуна. Тот поднялся, шатаясь, и несколько секунд приходил в себя, пока Косой с англичанином катались, сцепившись, по грязи. Опомившись, Молчун кинулся на них сверху, начал тянуть Дугласа за волосы, хотел оторвать голову.

Костя готов был уже броситься на помощь Дугласу. Не потому, что пожалел его, – об этом думать было некогда, но представил вдруг, что сделает с ним отец, если англичанина убьют. Да и Вероника не простит.

И тут, почти не слышные за вздохами, пытением и краткими приглушенными воплями, послышались легкие шаги – к драке кто-то бежал.

Костя испугался, нырнул за сарай, потому что тот человек, маленького роста и худенький, пробежал рядом с ним.

И потому он не увидел, как тот человек остановился на мгновение, чтобы разобраться, что происходит, а затем нагнулся и начал наносить короткие рубящие удары. Один удар – и откатился, хрипя, Косой. Второй удар – и валяется недвижно Молчун.

Человек, в котором Костя узнал, к своему изумлению, маленького китайского слугу Дугласа, вызванного, видно, свистком, помог своему господину подняться, и они тихо и быстро заговорили по-английски, глядя на распростертые тела Косого и Молчуна.

Потом пошли прочь. Дуглас хромал и опирался на плечо Лю.

Когда они поравнялись с сараем, Лю сказал медленно и понятно для Кости:

– Организатор этого нападения, ваша милость, скрывается здесь.

Костя присел за углом.

Но было поздно.

Он поднял голову. Дуглас и китаец стояли прямо над ним, и даже в полумраке было видно, как они улыбаются.

И тут же они исчезли. Ушли.

А Костя еще долго, минут пять, сидел на корточках, переживая унижение и не зная, что делать. Его вернули к действительности стоны товарищей, что пришли в себя. Костя подошел к ним.

Ничего ему не оставалось, как укорять их за плохую работу.

– Что же вы? – сказал он. – Как же вам доверять можно? Двое на одного и не смогли, а?

– Сам бы смог? За сараем корчился, – сказал Косой.

Нравы в Сибири простые, там и подчиненный человек может высказать господину горькую правду.

Молчун только отхаркнулся и побрел прочь.

А Косой добавил:

– Папаша будут недовольны.

– Но ты ему не скажешь?

– Дурак, – сказал Косой. – Я не скажу – он сам скажет. Он же нас узнает. Тебе что, ты – сынок. А мне жить.

И пошел к Ефрему Колоколову каяться.

Дуглас жаловаться не стал. Принял ванну, китаец потер ему спину, сделал массаж. А Колоколов дождал его в гостиной и, когда тот вышел в длинном халате, с трубкой в зубах, гладкий и вроде бы не поврежденный, если не считать припудренного синяка под глазом, сказал:

– Произошло недоразумение. Больше такое не повторится.

Дуглас понял, о чем говорит миллионер. Он сдержанно кивнул.

Тогда Ефрем Ионыч понял, что Костю надо отправлять в другую сторону. Подальше от англичанки и ее спутника.

Ночью Дуглас пытался открыть дверь в комнату Вероники, скребся, но в доме Колоколовых на всех дверях есть внутренние засовы. И Вероника закрыла дверь на засов. Дуглас звал ее, шептал, прижав губы к щели, потом раздались шаркающие шаги, на лестнице зашевелились тени – кто-то шел со свечой.

Дуглас на цыпочках кинулся к своей двери. Не сразу нашел ее и вынужден был отвечать на русский вопрос Ефрема Ионыча:

– Кто там шляется?

– Это я. Разыскиваю туалет.

– Горшок под кроватью, – строго сказал Колоколов, который догадался, что разыскивал англичанин, а этого в своем доме не желал.

* * *

На следующий день Мюллер был у Филимонова, они обсуждали, как лучше добраться до болида. Потом вместе пошли за советом и помощью к Колоколову. Колоколов заставил ждать – он наблюдал за погрузкой паузков, что были привязаны у мостков.

Колоколов велел Мюллеру с Филимоновым ждать в конторе, но было жарко, безветренно, они предпочли посидеть на лунной колоде. Мюллер, глядя в жухлую траву, увидел тонкую серебряную серьгу с изумрудиком и подумал, что серьга принадлежит кому-то из горожанок, что камешек в ней не настоящий, и не стал подбирать. Так он и не узнал, что серьгу с утра искала мисс Смит.

Солнце пекло – был один из последних теплых дней в году. Дальний берег Лены едва угадывался, до него было верст пять. Там начинались сырые, поросшие хилыми лиственницами низины. Мюллер хорошо изучил карту, он как бы летел подобно птице над местностью. Ниже к реке подходили справа горы – хребет, к которому надо будет пробираться. Мюллер утром имел разговор с исправником, просил отпустить с ним Андрюшу, но исправник заупрямился, тупо утверждал, что ссыльный убежит в Америку, а ему, исправнику, будут перед пенсией неприятности. Мюллер полагал, что исправник рассчитывает на взятку, но у экспедиции было много бумаг и рекомендательных писем, а денег мало. Андрюша был готов работать бесплатно – только бы вновь прикоснуться к науке.

Колоколов, поднимаясь от пристани, позвал их в контору. Он был вежлив, расположен к профессору, даже выказал интерес к геологии и пригласил Мюллера вечером к себе посмотреть коллекцию минералов, собранную людьми, просил порекомендовать в Петербурге хорошего специалиста, чтобы поискал руды на Урулгане. Мюллер нашелся, сказал, что Андрюша Нехорошев – лучший его ученик. Нет, сказал Колоколов, Андрюша хлипкий, ему не вытянуть, нужен

крепкий мужик, чтобы его слушались и боялись. Без страха здесь ничего не сделать. Тогда Мюллер попросил Колоколова походатайствовать за Андриюшу – он ему будет нужен в поисках метеорита.

Колоколов согласился. Легко, как отмахнулся от комара, – пускай профессор не беспокоится, Андриюша с ним пойдет. И он пошлет туда же своего сына и наследника. Ему полезно побывать в тайге с учеными людьми.

Даже Филимонов удивился: Колоколов не любил отпускать сына. И если отпускал, то только по торговым делам.

– А сам я в Булун поеду, – сказал Колоколов. – В этом году ярмарка будет там большая. Без меня не обойдутся.

Филимонов смотрел на миллионщика – и не верил. Какие бы дела ни были в Булуне, они для Колоколова невелики. Торговля с тунгусами да якутами – малая толика его дел. Ни Филимонов, ни профессор не связали этого намерения короля тайги с приездом Вероники Смит. И не поняли, что желание отправить сына за Урулган связано с тем же.

Колоколов сказал, что сам подберет что нужно для экспедиции, лошадей и провизию – все должно быть основательно. А за это профессор будет в тайге поглядывать по сторонам: если какие выходы руды или еще что из геологических находок, он рассчитывает, что профессор не забудет об интересах Колоколова. На том и порешили – профессор был только рад угодить любезному господину негоцианту.

В тот же день, еще до обеда, Колоколов сам пошел к исправнику, хотя мог бы позвать его к себе в контору. Пил чай, спрашивал, как здоровье супруги, как дети в Иркутске. Потом сказал, что ему нужны двое из ссыльных. Андрей Нехорошев полезен петербургскому профессору. А Ниночка Черникова позарез нужна для англичан. Без нее они как немые.

– Но ведь этот лошак английский, он же по-нашему бормочет, – возразил с тоской исправник. Он понял, что ничего от Колоколова за ссыльных не получишь. И это было грустно. Исправник сердился на профессора – наверняка нажаловался. Да что поделаешь?

А как прочие встретили это решение Колоколова? Ниночка даже обрадовалась. Она на все была готова, только бы не оставлять вдвоем Костика и развратную европейку, типичную представительницу господствующего буржуазного сословия. Пускай Костик пойдет в тайгу с профессором, пускай там комары выпьют из него лишнюю кровь.

Дуглас также был рад – еще не хватало, чтобы Вероника увлеклась всерьез этим русским медведем.

О Веронике ничего сказать было нельзя: ее мысли трудно поддаются разгадке, да чаще она и сама не знала, что ей лучше, а что хуже. Ей был свойствен фатализм, хотя она пыталась, плывя по воле случая, дожидаться благоприятного стечения обстоятельств. В первую очередь она искала отца. Или хотя бы его могилу. Все остальное приложится. Костя в ее мыслях занимал куда меньше места, чем его отец.

Плохо было Косте.

Он даже полез в спор с отцом, чем утвердил его в правильности своего решения и сделал то решение незыблемым. Костя в отчаянии готов был уже признаться отцу, что влюбился в английскую мисс, но в последний момент испугался. И смирился.

А отец пожалел его – всегда надо давать жертве надежду, пускай пустую.

– Если придется английского капитана по берегу моря искать, я тебя вызову.

И с этой надеждой Костя пошел к профессору, уже официально, как член маленькой экспедиции. Колоколов-старший, хоть и готов был поспособствовать развитию отечественной науки, своего терять не терпел. Поэтому за лошадей, шитик, место на барже, за продукты и даже за комариные сетки – за все взял с Мюллера, полагая, что делает правильно, так как у Мюллера деньги государственные. Правда, сына придал вроде бы бесплатно.

Сначала проводили «Св. Сергия Радонежского». На следующее утро он загудел, запыхтел, отвалил от пристани и, борясь с течением, пополз вверх по реке. Ему еще надо вернуться в Новопятницк до ледостава, привезти грузы, забрать пушнину и золото с приисков и, если все будет хорошо, профессора Мюллера с

камешками, отколупнутыми от болида, и мисс Смит с ее спутником, а может, и с капитаном Смитом, если его удастся отыскать и спасти.

Костя весь день избегал Ниночки. А Ниночка делала вид, что не хочет видеть Костю, и страшно страдала. Ее страдания были очевидны для Семена Натановича и удручали его необыкновенно.

– Все к лучшему, – уверял его отец Пантелеймон. – Твоя дочь забудет о неверном Косте, и это лучше для всех. Будем надеяться, что детское увлечение минет, как послеполуденный сон.

– Да-да, – рассеянно согласился Черников, но он-то знал, что дочь страшного в прошлом террориста и нигилиста сделана из особого теста. Она из тех, кто роет подкопы под железнодорожные пути, чтобы безжалостно взорвать самого императора.

При этом Семен Натанович приводил в порядок одежду для Ниночки – ночи будут холодными, особенно в Булуе. Он призвал на помощь все свое портновское искусство и, не разгибаясь, шил, чтобы его дочь даже у полюса была одета не хуже, чем одеваются дамы в Варшаве. При условии, если те дамы соберутся на Северный полюс.

Всю ночь Ниночка простояла у окна своей комнаты. Рядом сопели во сне братишки. Она смотрела в окно, и ей казалось, что Костя, который одумался и раскаялся, придет к окну, стукнет в него дрожащими пальцами и попросит прощения за все муки, которые он ей доставил. Она тихо плакала, чтобы не разбудить братьев или отца, что спал в соседней комнате. Но Мария Павловна, конечно, не спала и все слышала, каждый вздох дочки она слышала. Но лежала тихо, затаившись, словно толстенькая мышка.

А Костя не спал, но он не пошел к дому Черниковых, а сидел на лунной колоде. И тоже надеялся. Представлял себе, как Вероника выскользывает из отцовского дома и спешит на берег. О Ниночке он совсем не думал.

Вероника спокойно спала, потому что она была натурой, склонной к фатализму. Она закрыла дверь на засов и спала.

Дуглас не спал. Он неоднократно выглядывал в коридор. Но безуспешно, потому что перед дверью Вероники горела свеча и стоял стул. А на стуле клевал носом, но не спал приказчик и телохранитель Колоколова Ахметка.

Сам Колоколов спал. Он верил в бдительность Ахметки.

* * *

Утром загудел буксир «Иона», названный так в память отца Ефрема Колоколова. Буксир был мощный, приземистый, во всем схожий с покойником. Буксир торопил пассажиров и грузчиков. Правда, основные грузы были уложены на паузки – плоскодонные широкие баржи с низкими бортами еще со вчерашнего дня. Но немало оставалось. По сходням носились грузчики. Колоколов приехал в автомобиле, сидел, откинувшись, на сиденье, грыз морковку и зорким глазом обозревал погрузку.

Иностранных гостей он привез на авто, и они теперь сидели рядышком на берегу. Ветер прижимал недлинную юбку Вероники к ногам, обрисовывая стройную фигуру и обнажая тонкие щиколотки, затянутые высокими шнурованными ботинками, – она была готова к трудному путешествию к Северному полюсу.

Колоколов поглядывал на англичанку и радовался своей мудрости – разделить всех противников, как волка, козу и капусту, по разным лодкам. И не терял никого из виду.

Вот пришли к паузку ученые. Профессор Мюллер – животик вперед, котелок на бровях, словно вышел на Невский проспект. Но толщина и мирность облика обманчивы – Колоколов уже догадался, что профессор обладает характером: видно стало, когда они торговались из-за паузка и лошадей. За ним длинный, сутулый, очкастый Андрюша Нехорошев. На нем старая студенческая тужурка, даже полупогончики не срезал, может, надеется, что вернется к своим наукам, может быть, по рассеянности. Парня этого надо будет оставить в Новопятнице. Женить и оставить. Только жену подобрать попроще, решительную, чтобы сопли ему вытирала, а голова у парня хорошая. Пригодится. Костя все не появляется – переживает разлуку. Жалко, что бог сыном не побаловал, но ничего, годы есть, пообломаем. За учеными шли добровольцы из ссыльных. Семен Черников тащил большой ящик – какие-то приборы. Надо будет их купить, когда профессор

домой соберется. Даже отец Пантелеймон – а уж ему не к лицу – тоже какую-то профессорскую суму тянет. Вроде бы с виду солидный человек и голос, как у дьякона, а вот сблизился со ссыльными, не видит, что это властям не нравится. Не иначе как на него уже пишут – а где найдешь сюда попа? Это все от гордыни и суетности. Надо будет потом с Пантелеймоном поговорить, внушить ему, что его ученые затеи – от лукавого. Чем хочешь прославиться, слабый человек? Ссыльным это положено – науками заниматься, книги читать, спорить про политику и жить надеждами. Пускай занимаются. Сколько жил Колоколов на свете, всегда здесь были ссыльные. И есть. И будут. Нельзя России без ссыльных. В других странах есть лошади, паровозы, горы и вокзалы. Обязательно. А в России ссыльные. Обязательно. Кончатся ссыльные – рухнет государство. И промышленник улыбнулся собственным мыслям.

А вот и Ниночка Черникова. Вот плутовка! Огонь! Но огонь опасный. Если что – сама сгорит и тебя сожжет. Пока тепло от близкого пламени – приятно. А когда займешься – поздно будет, тушить некому. А сама мрачнее тучи, чернота под глазами темнее волос – ревнует. Господи, нашла кого! А впрочем, Костя тоже добыча не последняя, только не сам по себе, а отцовскими трудами.

Вот спешит к паузку, разгружает телегу с добром китаец Лю. Говорят, это он раскидал чалдонов. А не догадаешься – наверное, знает китайские штучки. Слышал Колоколов от золотоискателей, что есть среди китайцев знатоки ихней тайной борьбы – голову могут человеку двумя пальцами своротить. Смотри-ка, Дуглас-то не промах, знал, кого себе в слуги брать!

Ох ты! Даже грузчики остановились. Глазеют – прикрикнуть бы на них, но Колоколов все понимает, людские слабости ему как на ладони видны. Он и сам глазеет на эту черномазую. Ну и баба! Что грудь, что сзади – камень, не ущипнешь. Волосы – впору целую перину набить. А зубов, наверное, на троих хватит. И все хохочет, заливается. Несет на плече сундук с англичанкиными тряпками да туфлями – наверное, не всякому грузчику по плечу, а она даже не сгибается. Увидела Андрюшу Нехорошева, залепетала что-то, будто забыла о ноше. А он зарделся, очки снял, протирает их и снова на длинный нос надел – смешно. Если бы не черная да наша – ей-богу, заставил бы студента жениться. А так нельзя – не иначе как она мусульманской или иудейской веры. Надо будет у Кости спросить – он знает.

Подошел шкипер с буксира. Недовольный, но вида не показывает. И понятно: кому нужно, чтобы большой хозяин у тебя на борту шел, да какие-то гости, когда

у тебя всего-то кубрик для матросов и кочегаров да две каюты – своя и механика.

– Значит, так, – сказал ему Колоколов строго, словно недовольный, чтобы шкиперу и в голову не пришло возражать. – Значит, свою каюту отдашь мне. Вторая койка – англичанину. Поставили койку?

Шкипер кивнул.

Пьет много, подумал Колоколов, надо будет другого выписать, да трудно с людьми. А этот рано или поздно посадит на мель. Или еще хуже – найдет каменную щеку... Колоколов поморщился – воображение нарисовало ему такую картинку.

– Во второй – англичанка и черниковская дочка.

– Знаю.

– Кубрик ваш – размещайтесь, как можете. И еще Ахметке место найдите.

– Невозможно, Ефрем Ионыч.

– Возможно. А ихние слуги на корме палатку поставят.

– Не положено.

– Как я сказал, так и положено. На первой барже профессор. Лошадей туда загонят.

– Тесно будет.

– Знаю. Не на бал едем. Иди, чтобы к обеду отчалили.

– Не от меня зависит.

– А спрошу с тебя.

И Колоколов стал смотреть, как китаец ставит на корме буксира палатку – палатка, видать, шелковая, желтая, как цыпленок.

* * *

Отвалили после обеда, в четвертом часу. Колоколов не сердился, знал, что так и будет.

Он вышел на нос буксира, смотрел на бескрайнюю Лену и радовался. Хорошо, думал он, что отправился в Булун. И не потому, что для дела, а радовался, что снова почувствовал себя моложе, даже похолодело в груди от неизвестности. Где наша не пропадала!

Потом прошел на корму. Там на складных стульях сидели англичане. За их спинами стояла палатка желтого цвета. Между ними – складной столик, на нем чай, китаец подает.

– Добро пожаловать, – сказал Дуглас. Выучил, правильно сказал.

– Не откажусь, – согласился Колоколов.

Он присел на третий складной стульчик, который сразу принесла Пегги. Стульчики были легкие, простые. Колоколов, прежде чем сесть, покрутил стульчик в руках, сложил, разложил, запомнил, как делается. Не потому, что нужен такой стульчик таежному человеку, но когда знаешь, что пригодится, а что нет?

Сел он так, чтобы видеть ближайшую баржу. Там был Костя. Ему бы книжку читать или у профессора ума набираться. А он бродит по барже, перебирается через тюки и ящики, словно дикий зверь в тайге. Переживает. Вот увидел, как они втроем чаи гоняют, даже кулаком по борту стукнул. Стучи, сынок, стучи. Воспитывай характер.

Пегги сбегала в каюту, позвала Ниночку. Для нее тоже стул нашелся. И чашка из голубого фаянса. Чай был душистый, но крепости мало. Ниночка сразу увидела Костю и стала смотреть в его сторону. Колоколов велел ей переводить,

рассказывал о местной жизни, а она переводила кое-как, невнимательно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/kir-bulychev/tayna-urulgana>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)